

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ НАУКИ**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
20 сентября 2014г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2014**

УДК 00(082)
ББК 65.26
Т 33

*Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;*

Т 33 ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ НАУКИ: сборник статей Международной научно- практической конференции (20 сентября 2014 г, г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2014. – 40 с.
ISBN 978-5-906769-01-5

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции «**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ НАУКИ**», состоявшейся 20 сентября 2014 г. в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906769-01-5

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Аэтерна», 2014

УДОСТОВЕРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОСРЕДСТВОМ ДОВЕРЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Определение доверенности, применимое специально к гражданскому процессу, в гражданско-процессуальном законодательстве отсутствует, однако применяемое для гражданского судопроизводства определение доверенности дается в статье 185 ГК РФ, согласно которой под доверенностью понимается наличие письменного уполномочия, выдаваемого одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами [1].

Удостоверение полномочий представителя посредством доверенности в гражданском процессе является одним из самых распространенных способов удостоверения полномочий представителя, и нередко подобным образом подтверждаются даже полномочия адвоката имеющего ордер, поскольку юрист, работающий без доверенности, независимо от наличия у него адвокатского ордера не имеет права на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда и иных прав, предоставление которых в обязательном порядке должны быть прописаны в доверенности. [3].

На наш взгляд, положения статей 53-54 ГПК РФ требуют внесение определенных корректирующих изменений [2].

Так, статьей 53 Гражданско-процессуального кодекса РФ предусмотрена необходимость удостоверения доверенности на представления интересов в суде в нотариальном или ином предусмотренном законом порядке; также удостоверение доверенности возможно в ряде организаций, указанных в диспозиции статьи: в частности в организации, в которой работает или учится доверитель, товариществом собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным или иным специализированным потребительским кооперативом, осуществляющим управление многоквартирным домом, управляющей организацией по месту жительства доверителя, администрацией учреждения социальной защиты населения, в котором находится доверитель, и в иных организациях.

На наш взгляд, следует обеспечить представителям в гражданском процессе возможность осуществлять свои полномочия на основании доверенности, выданной в порядке, предусмотренном статье 185 ГК РФ: то есть без специального нотариального удостоверения или удостоверения в организациях, указанных в ч. 2 статьи 53 ГПК РФ. Упрощение процедуры получения доверенности является целесообразным в силу того, что процесс получения доверенности будет ускорен, доверенное лицо не будет нести материальные издержки в связи с оформлением доверенности в нотариальном порядке, и не будет затрачивать дополнительное время на оформление доверенности в какой-либо из вышеуказанных организацией.

В то же время в целях защиты интересов доверенного лица, мы считаем недопустимым делегирование представителю исключительных полномочий, указанных в статье 54 ГПК РФ, зафиксированных в доверенности, составленной в вышеуказанном порядке, к которым в частности относится: право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление

встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег.

Более того, мы считаем необходимым ограничить право делегирования вышеуказанных полномочий представителю и запретить их предоставление в любой доверенности, выданной не в нотариальном порядке. Подобные ограничения связаны с необходимостью тщательного контроля над делегированием представителю исключительных правомочий в силу возможных злоупотреблений этими полномочиями и введения доверенного лица в заблуждение относительно доверяемых представителю полномочий. Подобных злоупотреблений, на наш взгляд, удастся избежать при заверке доверенности в присутствии нотариуса.

В то же время с учетом специального правового статуса адвоката, выступающего в качестве представителя в гражданском процессе, в частности с учетом его обязанности соблюдать нормы профессиональной этики адвоката, считаем необходимым предоставлять ему специальные полномочия в упрощенном порядке: достаточно просто указать факт передачи адвокату специальных прав в доверенности, нотариального же заверения в этом случае, на наш взгляд, требоваться не должно.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // "Российская газета", N 238-239, 08.12.1994.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // "Российская газета", N 220, 20.11.2002.
3. Евсеев Е. Ордер или доверенность? // "ЭЖ-Юрист", 2009, N 23.

© В.А. Басов, 2014

УДК 343. 233

О. В. Бесчастнова

Доцент кафедры уголовного права
Астраханский государственный университет
г. Астрахань, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАЩИТЕ СОБСТВЕННОСТИ В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Для защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств Уголовный кодекс РФ, как и законодательство большинства государств, устанавливает основания для признания правомерным причинения вреда посягающим на эти ценности лицам. Институт необходимой обороны – важнейшее основание правомерного причинения вреда.

Одним из сложных и дискуссионных вопросов последнего времени является проблема защиты собственности в состоянии необходимой обороны. Принятое 27 сентября 2012 года постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о

необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» сдвинуло с места разрешение данной проблемы. В п. 17 постановления указывается: «Правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягавшему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях»[2].

Таким образом, установка автоматически срабатывающих или автономно действующих средств и приспособлений должна исключать возможность причинения вреда невиновным лицам. Такое исключение предполагает размещение автоматически срабатывающих или автономно действующих средств и приспособлений в запертых помещениях, куда ограничен или воспрещен доступ посторонних лиц. Если же доступ в данное помещение не ограничен, то причинение вреда будет влечь уголовную ответственность на общих основаниях.

Использовать можно только не запрещенные законом автоматически срабатывающие или автономно действующие средства или приспособления, следовательно, не должны применяться незаконно приобретенное огнестрельное оружие, ядовитые и отравляющие вещества и т.п. В тоже время в Постановлении используются понятия «приспособления и средства», что сужает область действия данной нормы и не включает такие вещества как ядовитые вещества и ядовитые газы.

Необходимо отметить, что применять указанные предметы и причинять вред посягающему лицу нельзя в случае защиты малоценного имущества. В таком случае причинение вреда подлежит квалификации по общим основаниям.

Защита собственности в состоянии необходимой обороны предусмотрена не только в УК РФ, но и в законодательстве других государств. Наиболее тщательно разработан данный институт в США.

Так, согласно американским законам лицо, правомерному владению имуществом которого угрожают незаконным посягательством и которое не имеет возможности прибегнуть к закону для его защиты, может принять разумные меры, в том числе применить силу, чтобы предупредить или пресечь такое посягательство. Лицо, которое может быть оправдано за применение силы, если оно разумно полагало, что существовала реальная угроза немедленного и незаконного вторжения в жилище или нарушения права владения движимым или недвижимым имуществом, а также полагало, что применение силы необходимо для устранения такой опасности.

Причинение вреда посягающему лицу считается своевременным до тех пор, пока обороняющийся является законным владельцем имущества, но не обязательно собственником. Здесь идет речь не только о фактическом обладании вещью, но и о праве владения, которое у незаконного владельца не возникает. Заметим, что, определяя своевременность обороны, общее право косвенно указывает и на надлежащего обороняющегося - законного владельца имущества. Следовательно, действие анализируемой нормы не распространяется на третьих лиц. И.Д. Козочкин называет ряд причин, объясняющих существующее положение, но признает его несостоятельным: «...Возможно, конфликтующие стороны ошибаются относительно прав на соответствующее имущество, и... имущественные интересы не заслуживают большого

внимания и защиты. Насилие, осуществляемое посторонним с целью защиты таких интересов, не должно поощряться. Но оба эти аргумента... не выдерживают никакой критики» [4, с. 186].

Нормы о защите имущества в уголовном праве США дифференцированы на две группы: 1) нормы о защите помещений и недвижимости и 2) нормы о защите другого имущества. Такая дифференциация имеет принципиальное значение: в первом случае допускается причинение смерти (конечно, при соблюдении некоторых условий, например, при начавшемся или угрожающей поджоге, в ходе совершения или при попытке совершения берглэри, но не в случае иных посягательств на собственность), во втором она исключена полностью.

Согласно ст. 3.06 Примерного УК США применение насилия к другому лицу или в отношении другого лица может быть признано правомерным в случаях, когда деятель предполагает, что такое насилие непосредственно необходимо:

а) для предупреждения или пресечения противоправного вступления в пределы недвижимости, или иного нарушения владения ею, или нарушения владения материальным движимым имуществом, или противоправного изъятия такого имущества при условии, что эти недвижимость или движимое имущество находятся, в действительности или по предположению деятеля, в его владении или во владении другого лица, в защиту которого он действует;

б) для установления или восстановления владения недвижимостью или для возвращения из чужого владения материального движимого имущества, при условии, что деятель предполагает, что он или лицо, по полномочию которого он действует, или лицо, от которого к нему или к такому другому лицу перешел правовой титул, были противоправно лишены владения такими недвижимостью или движимым имуществом и имеют право на владение ими при условии, далее, что:

1) насилие применяется непосредственно или вскоре после такого лишения владения;

2) деятель предполагает, что лицо, против которого он применяет насилие, не имеет правовой претензии на владение этим имуществом, и, в случае, когда речь идет о недвижимости, обстоятельства, как их представляет себе деятель, являются настолько критическими, что было бы крайне рискованно откладывать установление или восстановление владения до получения приказа суда[5].

Примерный УК США обязывает лица, защищающего имущество, потребовать прекращения посягательства. Но норма не распространяется на случаи, когда: 1) такое требование было бы бесполезным; 2) требование представляло бы опасность для обороняющегося или других лиц; 3) промедление грозит имуществу существенным ущербом.

Применение насилия для предупреждения или пресечения противоправного нарушения владения не может быть признано правомерным, если лицо знает, что выдворение нарушителя владения подвергнет это лицо серьезной опасности получения тяжкого телесного повреждения.

Применение насилия для предупреждения установления или восстановления владения или возвращения движимого имущества из чужого владения не может быть признано правомерным, хотя бы деятель предполагал, что такое восстановление или возвращение является противоправным, если восстановление или возвращение осуществляется лицом или от имени лица, которое было фактически лишено владения имуществом.

Применение смертоносного насилия не может быть признано правомерным в соответствии с настоящей статьей, если защищающийся не предполагает, что:

1) лицо, против которого применяется насилие, пытается лишить деятеля владения его жилищем, если оно делает это без правовой претензии на владение жилищем, или

2) лицо, против которого применяется насилие, покушается на совершение или на доведение до конца поджога, бергльэри, разбоя или иного относящегося к фелониям похищения или уничтожения имущества, и либо:

а) применило или угрожало применить смертоносное насилие против деятеля или в его присутствии;

б) применение не смертоносного насилия с целью предупредить совершение или доведение до конца преступления подвергло бы деятеля или иное лицо в его присутствии серьезной опасности получения тяжкого телесного повреждения.

Примерный УК США также предусматривает применение технических приспособлений для защиты собственности, при условии:

а) такое техническое приспособление не предназначено для причинения или заведомо не создает серьезного риска причинения смерти или тяжкого телесного повреждения;

б) применение данного технического приспособления для защиты имущества от вступления в его пределы или нарушения владения является разумным при существующих обстоятельствах, как их представляет себе деятель;

в) это техническое приспособление является приспособлением, обычно применяемым для такой цели, или приняты разумные меры предосторожности к тому, чтобы поставить вероятных нарушителей в известность о факте его применения.

Также, ст. 35.25 действующего УК штата Нью-Йорк полностью запрещает смертельное насилие при обороне движимого имущества: «Оправдательное обстоятельство: применение физического насилия для предотвращения или пресечения кражи или преступного повреждения имущества.

Лицо вправе применить физическое насилие, за исключением смертельного физического насилия, против другого лица тогда и в той мере, когда он или она обоснованно полагает, что такое насилие необходимо, чтобы предотвратить или пресечь то, что он или она обоснованно полагает совершением или покушением на совершение другим лицом кражи или преступного повреждения имущества, за исключением зданий с земельными участками и прилегающими постройками».

Характерной чертой ряда зарубежных уголовно-правовых систем является установление законодателем своего рода презумпции состояния необходимой обороны в случае незаконного проникновения постороннего лица в жилище (хранилище имущества) или попытки такого проникновения (УК Алжира, Бельгии, Гаити, Колумбии, Коста-Рики, Кот-д'Ивуар, Литвы, Мадагаскара, Марокко, Мексики, Молдовы, Никарагуа, Туниса, Украины, Уругвая, Финляндии, Франции, Чили). При этом в УК целого ряда стран речь идет о ночном проникновении как особо опасном. По УК Молдовы для наличия указанной презумпции проникновение должно сопровождаться опасным для жизни или здоровья насилием либо угрозой такого насилия.

В УК Франции институт правомерной защиты отличается особенной четкостью. Согласно ст. 122-5 УК к условиям правомерности защиты относятся: наличие, необоснованность посягательства, соответствие используемых средств защиты тяжести нападения, своевременность защиты[3, с. 205].

Защита собственности, однако, правомерна при соблюдении ряда дополнительных условий: 1) защита собственности допускается только при уже начавшемся посягательстве на собственность и не допускается при угрозе такого посягательства (в отличие от защиты личности), 2) начавшееся посягательство должно представлять собой преступление или проступок (но не нарушение), 3) при защите собственности не допускается причинение

смерти нападающему, 4) защита должна быть «строго необходимой» (если же лицо имело возможность не причинять вреда нападающему, а обратиться к правоохранительным органам и т.п., оно должно было использовать такую возможность).

Во французском УК установлены и два специальных случая правомерной защиты. Согласно ст. 122-6 «действовавшим в состоянии правомерной защиты считается тот, кто совершает действия:

п. 1. С целью отразить проникновение ночью в жилище, осуществляемое путем взлома, насилия или обмана;

п. 2. С целью защитить себя от совершающих кражу или грабеж с насилием» [9].

УК Испании также предусматривает защиту собственности от посягательств. Условиями правомерности защиты себя, своих прав либо других лиц или их прав являются следующие: а) противоправность нападения; б) соответствие способа пресечения или протодотращения преступлений требованиям «разумной необходимости»; в) отсутствие провокации со стороны защищающегося [6, с. 131].

При этом для защиты собственности законодатель Испании установил определенные ограничения. Они, в частности, связаны с характером посягательства. Так, последнее должно содержать в себе признаки преступления или проступка, а кроме того, создавать риск серьезного повреждения или утраты вещи. Для защиты жилища достаточным основанием является незаконное проникновение в него другого лица или незаконное там пребывание.

Согласно УК Австралии (п. 1 ст. 10.4) лицо совершает деяние в состоянии самозащиты, только если он или она верят, что данное поведение необходимо: (а) для защиты себя или другого лица; или (б) для протодотращения или пресечения незаконного лишения свободы в отношении себя или другого человека; или (с) для защиты собственности от незаконного изъятия, уничтожения, повреждения или вторжения; или (d) для протодотращения уголовно наказуемого нарушения границ владения любым земельным участком или помещением; или (е) для удаления с земельного участка или из помещения лица, которое совершает уголовно наказуемое нарушение границ владения [7].

УК Швеции прямо признает право на самооборону против «надвигающегося» преступного нападения на собственность.

Интересное положение относительно защиты собственности от посягательства содержит УК Грузии (п. 3 ст. 28): «Причинение вреда посягающему с целью возврата отнятых в результате противоправного посягательства имущества или иных правовых благ является правомерным и в случае, если это произошло непосредственно при переходе этих благ в руки посягавшего и их немедленный возврат еще был возможен» [8].

Таким образом, изучив законодательство зарубежных государств относительно института необходимой обороны имущества, можно сделать вывод, что только в американском законодательстве детально разработана защита собственности от преступных посягательств.

В ст. 37 УК РФ вопрос о защите собственности, жилища решен слишком в общей форме и это не способствует эффективной борьбе с рядом имущественных преступлений, прежде всего, краж и грабежей. Большим шагом вперед в России было принятие Постановления Пленума Верховного Суда, регламентирующего применение автоматически срабатывающих и автономно действующих средств или приспособлений для защиты имущества, что давно используется американским законодателем. Однако в РФ, в отличие от США, не предусмотрено применение смертельной силы для защиты собственного жилища. Этот законодательный опыт нуждается в серьезном изучении и применении в российском государстве.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс РФ 1996 г. (в ред. от 01.03.2012 г.) // Собрание законодательства. – 1996.- №25.- Ст.2954
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 г №19 « О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 3 октября.
3. Бесчастнова О.В., Штанькова А.П. Институт необходимой обороны России и зарубежных стран (на примере Франции)// Гуманитарные исследования. 2014. № 2(50).
4. Крылова Н.Е., Серебrenникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учебное пособие. М., 2009.
5. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Пер. с англ. А.С. Никифорова; под ред. Б.С. Никифорова. М., 1969.
6. Уголовное право зарубежных стран. Учебное пособие / Под. ред И.Д. Козочкина. М., 2003.
7. Уголовный кодекс Австралии. Науч. ред. и пер. с англ. И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
8. Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава; пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
9. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. и предисл. канд. юрид. наук, доц. Н.Е. Крыловой и канд. юрид. наук, доц. Ю.Н. Головки; пер. с франц. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

© О.В. Бесчастнова, 2014

УДК 342.9

И.П. Долгих

Заместитель начальника кафедры административного права
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

Е.А. Супонина

Старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД,
кандидат юридических наук, доцент
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

Г.М. Черняев

Старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ЭТАП ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

При производстве по делам об административных правонарушениях в большинстве случаев невозможно обойтись без административного расследования. Несмотря на то, что само слово «расследование» имеет общеправовой характер, до недавнего времени в отечественной юридической науке и законодательстве этот термин употреблялся чаще всего в связи с уголовным процессом и криминалистикой [1, с. 60]. Однако наметившаяся еще в конце девяностых годов прошлого века тенденция к сближению различных отраслей права внесла существенные коррективы в законотворческий процесс. Как следствие, принятый в 2001 году Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях стал новацией отечественного законодательства, одним из самых сложных институтов которого является институт административного расследования. О несовершенстве упомянутого института красноречиво свидетельствует тот факт, что за сравнительно небольшой период, в течение которого действует нынешний КоАП РФ, изменения в статью 28.7, посвященную административному расследованию, были внесены двадцатью тремя федеральными законами [2]. Однако, несмотря на столь серьезную работу Государственной Думы в обозначенной сфере, острота научных дискуссий о проблемах административного расследования не только не снижается, но и наоборот, с каждым годом все увеличивается в геометрической прогрессии.

В соответствии с нормами, содержащимися в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, административное расследование возбуждается лишь в тех случаях, когда после выявления ряда правонарушений, посягающих на отдельные объекты административно-правовой охраны, указанные в статье 28.7. КоАП РФ, осуществляются экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат. Иными словами, КоАП РФ дает исчерпывающий перечень случаев для проведения расследования, расширительно толковать которые должностные лица, осуществляющие производство по административным делам, не вправе. Закон не позволяет возбуждать процедуру административного расследования по делам о правонарушениях, посягающих на общественный порядок и безопасность, порядок управления, общественные отношения собственности и многое другое.

Отечественные юристы неоднократно акцентировали внимание научного сообщества на том, что в перечень правонарушений, по которым проводить административное расследование нельзя, входит целый ряд весьма распространенных деликтов, причиняющих довольно-таки серьезный вред личности, обществу и государству. На самом деле решение рассматриваемой проблемы очевидно. Вместо того, чтобы «латать дыры» в административном законе, запоздало реагируя на правовые прецеденты, депутатскому корпусу следовало бы разрешить проведение административного расследования во всех необходимых случаях без привязки к тем или иным объектам административно-правовой охраны.

Вторым проблемным моментом рассматриваемого института является установленная ныне недопустимость регулирования вопросов, связанных с административным расследованием, законами субъектов федерации. Показательным в этом смысле является закон Воронежской области от 31.12.2003 года №74-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области», который не только не содержит в своем тексте словосочетания «административное расследование», но не имеет в этой связи даже бланкетной отсылки к нормам федерального законодательства [3]. Поскольку в соответствии с пунктом «к» части первой статьи 72 Конституции России административное и административно-процессуальное законодательство является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, считаем вполне приемлемым расширить компетенцию субъектов не только по вопросам административного расследования (вплоть до определения сроков его проведения), но и в части увеличения количества видов административных наказаний, предусмотренных соответствующими законами.

Подводя итог, хотелось бы предложить законодателю свою редакцию части первой и части второй статьи 28.7 КоАП РФ.

«Часть 1. Административным расследованием признается комплекс процессуальных действий, направленных на получение доказательств по делу об административном правонарушении.

Часть 2. Административное расследование проводится в случаях осуществления процессуальных действий, требующих значительных временных затрат».

В заключении хотелось бы остановиться ещё на одном, неурегулированном административным законом моменте. К сожалению КоАП РФ не определяет минимальный срок проведения административного расследования, что подчас позволяет

уполномоченным должностным лицам принимать формальные решения о проведении расследования, не обусловленные объективными обстоятельствами, в целях определения подсудности дел об административных правонарушениях. Например, инспектором отдела государственного пожарного надзора Орджоникидзевского района города Екатеринбурга в отношении ООО «А» было вынесено определение о возбуждении дела и проведении административного расследования, которое длилось всего один день. По делам об административных правонарушениях в отношении граждан П. и Ш. срок административного расследования, проводимого Отделом государственного пожарного надзора г. Североуральска, составил 4 дня [4]. В этих условиях считаем крайне необходимым введение четко обозначенных законодателем временных рамок проведения административного расследования, способствующих, в конечном итоге, защите прав и интересов граждан и юридических лиц.

Оптимизация законодательства, регламентирующего условия производства расследования в рамках административного дела, позволит в значительной степени укрепить законность и правопорядок в стране. Большим подспорьем в реализации упомянутых инициатив мог бы послужить административно-процессуальный кодекс, о необходимости принятия которого уже давно говорят многие отечественные юристы [5, с. 11].

Список использованной литературы:

1. Дудышкин Б.Н. Правовые основы расследования транспортных происшествий // Журнал российского права. 2002. №3. – с. 60-67.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.12.2013) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 19.09.2014).
3. Закон Воронежской области от 31.12.2003 N 74-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области» / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 19.09.2014).
4. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения судами Свердловской области дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.4. КоАП РФ, за 12 месяцев 2007 года // URL: http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=2&id=19&page=1.
5. Масленников М.Я. Российский административно-процессуальный кодекс // Вестник Евразийской академии административных наук. 2008. №4. - с. 11-13.

© И.П. Долгих, Е.А. Супонина, Г.М. Черняев, 2014

УДК 34

А.В.Казакова

Доцент кафедры Уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: КОЛЛИЗИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ НОРМ

Терроризм является одной из серьезнейших глобальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Опасность этого феномена заключается не только в непосредственном вреде, причиняемом им жертвам преступлений, но и в его способности нанести ущерб общественной безопасности [8, с.3], поэтому в Российской Федерации нормы, направленные на борьбу с террористической угрозой,

вводятся во многие отрасли законодательства – финансовое, банковское – а особенно – в уголовное и уголовно-процессуальное.

Российский законодатель робко и бессистемно вводит правила, представляющие собой некую дифференциацию уголовного судопроизводства по делам о преступлениях террористического характера. Такое положение связано, прежде всего, со стремлением повысить эффективность борьбы с актами терроризма в уголовно-процессуальной сфере путем изменения правил, которые у правоприменителя вызывают определенные трудности (и при этом сохранить гарантии личности в уголовном процессе).

Вопрос о перечне преступлений, относимых к категории террористических, в научной литературе носит дискуссионный характер.

«Все преступления террористической направленности, - заключает О.Н. Коршунова, - имеют ряд общих признаков. В первую очередь их объединяет транснациональный, международный характер посягательства, а также наличие ярко выраженной физической или психической агрессии» [7, с. 13].

По мнению Г.М. Миньковского и В.П. Ревина, террористические действия составляют деяния, содержащиеся в ст. 205, 206, 208, 277, 278, 279, 281 УК РФ и др. [6, с. 37]

В.С. Комиссаров относит к террористическим действиям другую совокупность преступлений: ст. 205, 207, 277, 281, пп. «б»), «е») ч. 2 ст. 105, 295 и 317 УК РФ [4, с. 64].

В противовес указанным позициям С. Дикаев считает, что такое расширение круга преступлений, в которых может проявляться терроризм, во-первых, ставит его на одну плоскость с преступлениями, степень общественной опасности которых несравнима со степенью опасности терроризма. Во-вторых, приравнивает терроризм к преступлениям, которые в большей степени представляют опасность для власти, нежели для общества, так как общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны не выступает в качестве основного [3, с. 21].

Условную точку в проблеме «очерчивания» круга преступлений террористического характера поставил Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153 [8] путем введения в УК РФ ст. 205.1 (содействие террористической деятельности), диспозиция которой относит к террористической деятельности деяния, предусмотренные статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Однако данная дилемма не нашла свое окончательное разрешение, поскольку ранее федеральным законом от 22 апреля 2004 г. законодатель косвенно определил преступления террористической направленности в уголовно-процессуальном кодексе, к которым отнес: ст. ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 277, 278, 279, 281 и 360 УК РФ. Для большей наглядности следует сравнить диспозиции статей посредством таблицы:

Диспозиция 205.1. УК	Диспозиция ст. 100 УПК	Название преступлений, УК
205	205	Террористический акт
Не может быть	205.1	Содействие террористической деятельности
206	206	Захват заложника
208	208	Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем
нет	209	Бандитизм
нет	210	Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)
211	нет	Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава

277	277	Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля
278	278	Насильственный захват власти или насильственное удержание власти
279	279	Вооруженный мятеж
нет	281	Диверсия
360	360	Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой

Налицо коллизия в определении перечня преступлений террористического характера между нормами материального и процессуального уголовного права (коллизия – отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения [2, с. 23])

Следует попытаться разобраться в причинах, повлекших возникновение обозначенной коллизии.

Исходя из логики законодателя, представленную совокупность, указанную в ст. 205.1 УК, можно классифицировать по признаку наличия специальной цели преступления на:

1. предполагающие специальную цель: а) понуждение государства, международных организаций, общественных объединений и физических лиц к решениям, действиям или воздержанию от каких-либо действий (ст. 205, 206); б) прекращение государственной или иной деятельности либо месть за нее (ст. 277); в) насильственные захват, удержание власти, нарушение конституционного строя, нарушение территориальной целостности РФ, провокация войны и т.д. [5, с.с. 469, 472, 662, 664, 665, 842] (ст. ст. 277, 278, 279, 360).

2. не предусматривающие специальную цель (ст. ст. 208, 211).

Следовательно, законодатель предполагал следующие признаки деяний террористического характера: политическую цель (хотя и не во всех составах), а также устрашение населения и иных субъектов. Однако непонятны мотивы, по которым из преступлений террористического характера была исключена ст. 281 УК РФ (диверсия), а также включен состав преступления, предусмотренный ст. 208 УК РФ (создание незаконного вооруженного формирования). Практика свидетельствует о том, что террористические акты на территории Российской Федерации происходят преимущественно в Чеченской Республике, они сопряжены с созданием незаконного вооруженного формирования, как это было установлено, например, по уголовному делу по обвинению А.И. Закаева [1]. Таким образом, при закреплении входящих в преступления террористического характера деяний большое значение придавалось не только теоретическим разработкам, но и практике совершения соответствующих преступлений.

В УПК РФ определения группы преступлений, нуждающейся в особой процедуре судопроизводства, на первый план, казалось бы, выдвигается не уголовно-правовой критерий – политической цели и двойственного воздействия на непосредственный и косвенный объект, - а уголовно-процессуальные характеристики: определение специфического круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, наличие трудоемких экспертиз, особые правила закрепления и фиксирования доказательств, подследственность, подоудность и проч. Таким образом, можно выделить преступления террористического характера в уголовно-правовом смысле, и указанные деяния в уголовно-процессуальном смысле. Непонятны причины исключения из этого списка состава преступления ст. 211 УК РФ. Преступления террористического характера, закрепленные в УК РФ, отличаются от деяний указанной категории, закрепленных в УПК РФ, что приводит к выводу: законодательство не нацелено на выработку отличительных характеристик терроризма в

уголовно-правовом и уголовно-процессуальном отношении. Однако существует объективная необходимость в целях повышения эффективности уголовного преследования террористов ликвидировать несовершенство законодательной техники в виде существования двух «списков» преступлений террористической направленности путем выработки единой системы указанных деяний.

Понятие преступлений террористического характера очень важно для выработки эффективной дифференцированной формы уголовного судопроизводства, представляющей собой один из способов борьбы с терроризмом. От продуманности и совершенства законодательной техники зависит эффективность практики расследования и разрешения уголовных дел о преступлениях террористической направленности.

Законодательное закрепление в УК РФ и УПК РФ двух различающихся по содержанию списков преступлений террористической направленности становится препятствием развития единой контртеррористической политики Российской Федерации. В то же время следует отметить, что при отнесении конкретных составов к преступлениям террористического характера в науке уголовного права и теории уголовного процесса используются разноплановые критерии. Именно это и служит причиной существующего положения о неоднородности террористических преступлений в этих двух теориях.

При конструировании дефиниции преступлений террористического характера следует учитывать не только уголовно-правовые критерии отнесения того или иного деяния к преступлениям террористической направленности, но и специфику расследования и разрешения уголовных дел по преступлениям рассматриваемой категории с учетом как научных положений, так и существующей практики. Именно в этом усматривается залог успешной уголовно-правовой борьбы с террористами.

Возникает проблема разрешения сложившейся коллизии. В условиях постепенного внедрения в уголовное судопроизводство дифференцированной формы уголовного судопроизводства по преступлениям террористического характера данный вопрос имеет особое значение. Так, если расследуется уголовное дело по ст. 211 УК (в УПК в качестве преступлений террористического характера не значится, а в УК - имеется), то возникает закономерный вопрос: возможно ли применение специальных норм. С формальной точки зрения – нет. С другой стороны, это деяние подходит по уголовно-процессуальным критериям. У органов предварительного расследования остается один выход для разрешения ситуации: в документах поставить «дополнительную» квалификацию по одной из статей террористического характера. Однако такая практика существенным образом нарушает право подозреваемого/обвиняемого на защиту.

Большинство авторов склонны к преодолению данной ситуации в соответствии с правилом, согласно которому приоритет имеет закон, который регулирует сферу общественных отношений. В нашем случае необходимо понять – определение преступлений террористического характера является материальным или процессуальным институтом. Однозначный ответ на этот вопрос: материальное право имеет приоритет.

Представляется, что целесообразно ввести в ст. 5 УПК РФ пункт 27.1, также примечание к ст. 205.1 УК РФ следующего содержания: «Преступления террористического характера – деяния, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 211, 277, 278, 279, 281 и 360 УК РФ». В этих условиях правоприменитель, расследующий и рассматривающий уголовные дела о преступлениях террористического характера, будет нацелен на то, чтобы применять специальные правила судопроизводства, что, во-первых, сократит число существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона, во-вторых, способствует совершенствованию законодательной техники, поскольку при закреплении какого-либо

правила процесса по делам данной категории не нужно каждый раз восстанавливать список преступлений, обладающих критериями отнесения их к деяниям террористической направленности.

Дифференцированные формы уголовного судопроизводства имеют задачей выработку наиболее оптимальной деятельности при расследовании и разрешении конкретных уголовных дел с учетом специфики как материально-правовых критериев преступления, так и уголовно-процессуальных особенностей процедуры. Существует объективная необходимость введения особой процессуальной формы по делам о преступлениях террористической направленности, поскольку имеется тенденция роста преступлений этой категории на территории РФ в условиях, когда следственные органы и суды не имеют соответствующего опыта по расследованию и рассмотрению террористических актов. Особая форма должна способствовать исключению процессуальных ошибок в деятельности названных органов, а также обеспечить наиболее оптимальный режим установления всех признаков террористических деяний, что положительным образом должно сказаться на антитеррористической политике всего государства.

В целом дифференцированная форма судопроизводства может быть введена в отношении преступлений террористической направленности, поскольку они обладают определенными чертами. Во-первых, высокая степень общественной опасности, т.к. в результате их совершения причиняется вред наиболее важным общественным интересам: безопасности, жизни, здоровью, нормальному функционированию органов власти и т.д. Во-вторых, степень сложности судопроизводства по данным делам высока, что обусловлено большим количеством потерпевших, необходимостью проведения значительного числа разнообразных экспертиз, проведением следствия следственной группой, длительностью срока для установления всех обстоятельств дела, наличием угрозы безопасности участников судопроизводства и т.д. В-третьих, общественно-политическое значение актов терроризма: они наносят вред общественным интересам, возбуждают чувство незащищенности личности, сеют среди граждан недоверие к органам государственной власти. Вследствие их распространения принимается контртеррористическое законодательство. Противодействие терроризму является основополагающей задачей во внутренней и международной политике России.

Деятельность по установлению дифференцированной формы уголовного судопроизводства в отношении террористов должна быть научно обоснована, поскольку нецелесообразно ожидать: с какими еще трудностями при уголовном преследовании лиц, обвиняемых в террористических актах, столкнутся должностные лица органов предварительного следствия и судьи. Если будет проведена работа, направленная на продуманное составление системы процедурных правил с целью повышения эффективности расследования и судебного рассмотрения таких уголовных дел, то многих ошибок и погрешностей можно будет избежать в будущем, что особенно актуально в условиях усиливающейся угрозы мирового и национального терроризма.

Список использованной литературы:

1. Борисов Т. Закаев обвиняется... // Российская газета. 2002. 6 декабря.
2. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.
3. Дикаев С. Теоретические проблемы установления смысловых границ в уголовно-правовом определении терроризма // Уголовное право. 2004. № 1.
4. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм и захват заложника. М., 1997.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // Под ред. В.В.Мозякова. М., 2002.

6. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. №8. С. 37.

7. Преступления террористической направленности: уголовное преследования на досудебных стадиях / Под ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2003.

8. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002.

© А.В. Казакова, 2014

УДК 347.1.

С.В. Корякин

аспирант кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Международного института государственной службы и управления
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ», ведущий юрисконсульт
Отдела правового сопровождения банковских операций
Юридического департамента ОАО «МОСКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ БАНК»,
г. Москва, Российская Федерация

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Для современной юриспруденции весьма характерна тенденция к исследованию сущности правовых явлений, стремление понять их юридическую природу. В теории гражданско-правового представительства множество тем, которые составляют предмет оживлённой дискуссии в научном сообществе. Среди них проблема понимания представительства является фундаментальной. Именно с её решения имеет смысл начинать изучение представительства. Ведь дать определение представительству значит раскрыть его внутреннее содержание и описать механизм осуществления. Значимость исследования данного вопроса обусловлена той важной практической ролью, которую представительство выполняет для приобретения и реализации прав и обязанностей субъектов гражданского права.

Легальное определение понятия «представительство» в действующем российском законодательстве отсутствует. Исходя из буквального толкования статьи 182 Гражданском Кодексе РФ, представительство следовало бы определить как совершение сделки одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона, либо акта уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, в результате чего создаются, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности непосредственно представляемого. Таким образом, представительство отождествляется с действием или деятельностью представителя, направленными на совершение сделки. Представляется, что содержание указанной статьи, не позволяет сделать однозначный вывод относительно юридической природы представительства, поэтому необходимо проанализировать научные взгляды отечественных правоведов.

В юридической литературе констатируется отсутствие единого мнения по вопросу о правовой сущности представительства. Отмечается что, на сегодняшний день теоретическое определение представительства в науке гражданского права составляет

предмет дискуссии [4, с.152]. Имеющееся в научной и учебной литературе многообразие взглядов вызвало необходимость их структурирования, объединения в группы целых концепций, схожих между собой общностью подхода к рассмотрению изучаемого предмета.

Концепции, входящие в первую группу, исследуют представительство, главным образом, с точки зрения его назначения. Для них понимание представительства сводится к юридическому факту, влекущему возникновение, изменение, прекращения правоотношения между представляемым и третьим лицом: действию, сделке, юридическому приёму, способу, особой правовой конструкции и т.п.

Так, профессор В.А. Рясенцев указывал, что представительство следует определять, как совершение лицом правомерных действий от имени другого лица (представляемого) в пределах полномочий, порождающее юридические последствия непосредственно у представляемого [11, с.149]. По сути, данное определение во многом основывается на буквальном толкование нормы гражданского законодательства и соответствует традиции представительной (репрезентативной) теории, активно развиваемой выдающимися отечественными дореволюционными цивилистами. Однако, если определять представительство как совершение правомерных действий, то деятельность, используя слова самого учёного, «не является ближайшим родовым понятием». Оно имеет широкий объем, не обладает достаточно определенным содержанием и ясностью, им охватывается любая человеческая активность, поэтому нельзя признать данное определение полностью научным. При рассмотрении представительства только как деятельности по совершению сделки не возможно разграничить представительство и сделку, совершаемую от имени представляемого, ибо выражения «совершение сделки» и термин «сделка» тождественны по содержанию [8, с.14]. Сводить же все представительство исключительно к сделке не представляется правильным, в виду сложности его внутреннего состава.

Не может быть дано определение представительства и через понятие юридического факта, влекущего возникновение (изменение, прекращение) прав и обязанностей представляемого, так как, исходя из понимания статьи 182 Гражданского Кодекса РФ, юридическим фактом является сделка, а отнюдь не представительство как явление в целом.

Профессор Андреев В.К., характеризую представительство, определял его одновременно как юридический способ приобретения и осуществления прав и обязанностей; как правовую форму участия в имущественном обороте, при которой одно лицо приобретает права и обязанности за другого; как юридический прием, при котором правоотношения возникают благодаря действиям субъекта, который не становится стороной в этом правоотношении [1]. При этом, следует отметить, что понятия «способ», «прием» и «форма» не являются равнозначными друг другу. Внимание в данном случае сконцентрировано на правовом эффекте представительства, т.е. изменении в правах и обязанностях представляемого. Однако достижение указанного юридического результата может быть опосредовано не только представительством, и поэтому такой подход не позволяет индивидуализировать исследуемое правовое понятие, выделить его среди договора в пользу третьего лица, договора комиссии или действий органов юридического лица и т.д., а наоборот, сознательно сближает представительство с указанными способами формирования правоотношений. Представительство раскрыто через его функциональное предназначение, но не внутреннее содержание, «... отражает, главным образом, внешнюю форму (оболочку), но не суть» [9, с.52].

Аналогичным образом упрощенно и не полно отражает исследуемое явление понимание представительства как юридической конструкции, в силу которой сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) создает, изменяет

или прекращает гражданские права и обязанности представляемого [5, с.151]. Определяя так представительство, мы делаем его неподвижным, исключаем динамику правового механизма явления.

Вторая группа концепций рассматривает представительство с точки зрения его внутреннего содержания. Она объединяет в себе научные представления о представительстве как гражданском правоотношении.

Представительство представляет собой гражданское организационное отношение, в силу которого правомерные в пределах данных полномочий юридические действия одного лица (представителя) от имени другого лица (представляемого) по отношению к третьим лицам влекут за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей непосредственно для представляемого [12, с.262]. Именно такая точка зрения на представительство стала преобладающей в работах современных исследователей (Е.Л. Невзгодина, П.Н. Дурнева, Ю.Б. Носова и т.д.).

В зависимости от того между какими субъектами правоотношение складывается и от характера связи в данной группе выделяют две концепции. Согласно первой правоотношения, складывающиеся между двумя субъектами и в соответствии с которой представительством, как правило, именуется отношения между представителем и представляемым (хотя некоторые из авторов считают таковым отношение между представителем и третьим лицом). В соответствии с концепцией сложноструктурного правоотношения, представительство представляет собой совокупность неоднородных внутренней и внешней (внешних) юридических связей (правоотношений), складывающихся между представляемым, представителем и третьим лицом. В таком случае, представительство определяют как единое трехстороннее правоотношение, складывающееся в процессе совершения одним лицом в пределах полномочий сделок и иных правомерных юридических действий, в отношении третьих лиц от имени и в интересах другого лица в результате которых у представителя возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности [6, с.172].

Подход к представительству как правоотношению имеет ряд недостатков, которые не были устранены в современных научных исследованиях. Критика подхода к представительству как к правоотношению – это прежде всего критика понимания структуры и содержания связей между субъектами. Вероятно, ошибочно ассоциировать представительство исключительно с каким-либо отношением, входящим в его состав. Спорным вопросом является определение места представительства в классификации гражданских правоотношений, также не ясно что же будет выступать объектом представительства. Мнение, что объектом представительства является правоотношения не выглядит убедительно, так как правоотношение является объектом права.

Недостаточная ясность юридической природы представительства побудила ряд авторов подвести представительство под более общее юридическое понятие (юридическое соучастие, пособничество, правоотношение) [11, с.139]. Отметим, что такие попытки нельзя признать успешными. Так, например, институциональный подход к определению понятия представительства допустим исключительно в рамках системы гражданского права, потому что не раскрывает сущности правового явления. Также не удаётся определить представительство через форму посредничества, поскольку представительство и посредничество явления разной природы: первое - исключительно правовое, второе – экономическое, относящееся к сфере коммерческого оборота. Они могут пересекаться (посредник, которому выдали доверенность, является представителем), но изначально существуют самостоятельно, независимо друг от друга. Отождествление законного представителя с посредником вовсе не допустимо.

Представляется правильным при определении представительства в равной степени учитывать, как назначения представительства, так и его внутреннее содержание. При этом, сущность представительства будет полно раскрываться только при взгляде на данное явление с позиции представляемого. Совершение сделки или иного действия выступает результатом деятельности представителя, однако конечная цель представительства – это удовлетворение потребностей именно представляемого и пользование предоставленными ему благами. Представителю предоставлена возможность совершения действия за представляемого и от его имени, способствующего конечному осуществлению прав и обязанностей последнего, ведущего к этому. Следовательно, посредством представительства находят свое осуществление субъективные гражданские права и исполнение субъективные гражданские обязанности представляемого.

Осуществление прав и исполнение обязанностей субъекта достигается посредством существования и действия специального механизма, который представляет собой интеллектуально-волевой процесс достижения цели правообладателем, выраженный в определенном порядке юридически значимых действий субъекта, условий и средств [2, с.45]. Следует обратить внимание на существование тесной связи между представительством и механизмом осуществления прав и исполнения обязанностей.

Так, основная цель обоих понятий состоит в направленности на фактическое удовлетворение интереса участников гражданского оборота и гарантировании фактической реализации субъективных прав и исполнения обязанностей. Важнейшей составляющей и импульсом при этом является интерес правообладателя.

Механизм реализации субъективных гражданских прав и обязанностей – это порядок организации юридических способов, средств и действий участников гражданского оборота, обеспечивающий фактическое достижение субъектом правовой цели. При этом, организационная сущность представительства также представляется вполне очевидной.

Одним из главных признаков механизма осуществления прав и обязанностей, выделенных в научных работах, был его динамизм, который проявлялся в наличии стадий и последовательного движения права от одной стадии к другой до его конечной реализации [2, с.46]. Вместе с тем, представительство также представляет собой определенное состояние отношений, складывающихся между субъектами в процессе движения прав между ними и ярко отражает динамику права в его реализации.

Схожесть проявляется не только во внешних признаках, но даже во внутреннем устройстве двух явлений. Так, Е.В. Вавилин к элементам механизмов осуществления права и исполнения обязанности относит субъективные права и обязанности, юридические факты (в том числе сделки), способы осуществления права (исполнения обязанностей), средства и формы осуществления (установления, деяния, юридические процедуры). В свою очередь, в рамках представительства следовало бы выделить следующие структурные элементы, обеспечивающие его эффективное функционирование: право представляемого на представление его интересов и право представителя (полномочие), «внутреннее» гражданско-правовое отношение между представителем и представляемым и «внешнее» гражданско-правовое отношение между представителем и третьим лицом, юридические факты, такие отношения порождающие, а также сделки и иные действия, влекущие правовые последствия для представляемого.

На формирование механизма осуществления права и исполнения обязанности, в том числе его структуру, в каждом конкретном случае влияет волеизъявление участников гражданского права [2, с.49]. Исходя из этого, следует признать допустимость включения представительства в механизм осуществления прав и обязанностей лица, в зависимости от волеизъявления представляемого при добровольном или указании закона при обязательном

представительстве. Механизм в данном случае усложняется за счет введения в него еще одного субъекта (представителя), присутствия его воли при совершении действия, появления дополнительных гражданско-правовых отношений между представляемым и представителем, представителем и третьим лицом. При этом, суть и предназначение механизма от этого изменяться не будет. Таким образом, механизм осуществления прав и исполнения обязанностей субъекта будет равным образом справедлив и для случая их реализации не личными действиями, а с помощью представителя. Представительство тогда будет выступать частью механизма реализации гражданских прав и обязанностей представляемого.

Непосредственное осуществление гражданских прав и исполнение субъективных обязанностей происходит в рамках правоотношения [2, с.70]. То есть правоотношение с точки зрения правового механизма представляет собой организационную форму, в рамках которой осуществляются субъективные гражданские права и исполняются субъективные гражданские обязанности. В структуру представительства входят несколько правоотношений, складывающихся между участниками представительства. Соответственно, представительство выступает как форма существования этих правоотношений, как приданная им организация.

Под формой, как правило, понимается «устройство, структура, характер которой обусловлен содержанием, установленный порядок совершения чего-либо, способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением» [7]. Так как категории способа или средства не позволяют уместить в себе весь объем внутреннего содержания исследуемого понятия, то представляется целесообразным определять представительство как форму, по аналогии с формой защиты прав. Под последней, согласно господствующему в науке представлению, понимают определённый порядок, процесс или вид деятельности по защите прав в целом [3, с.14]. Форма защиты гражданских прав выступает необходимым процессуально-процедурным элементом механизма защиты, отвечает на вопрос о том, в каком порядке и какими средствами защищается право. При этом, как отмечается, способы защиты применяются именно в определённых формах защиты гражданского права [10, с.561]. Соответствующим образом, можно говорить о том, что разнообразные способы и средства используются в рамках представительства как формы осуществления и исполнения обязанностей.

Таким образом, представительство в гражданском праве возможно определять как особую организационно-правовую форму осуществления прав и исполнения обязанностей представляемого, включающую в себя совокупность гражданско-правовых отношений, складывающихся между субъектами (представляемым, представителем и третьим лицом), в рамках которых представитель наделяется полномочиями и совершает от имени и в интересах представляемого договоры и сделки, а также иные правомерные действия, влекущие последствия непосредственно для представляемого. Такое определение дает полное представление как о сущности, так и о структуре представительства. В нем подчеркнута важное организационное значение представительства для упорядочивания входящих в него правовых элементов (правоотношений, прав, юридических фактов и т.д.), составляющих его внутреннее содержание и обеспечивающих механизм действия.

Подводя итоги, отмечаем, что представительство – это сложное явление правовой действительности, сущность которого полностью и до конца не определена и определение которого не может быть однозначным. Выявлено, что наиболее распространённые на сегодня концепции понимания представительства как юридического факта (сделки, правомерного действия и т.п.) и как правоотношения имеют ряд существенных недостатков. При этом, исходя из одновременного учёта как правовых последствий, так и

внутреннего содержания представительства, а также принимая во внимание то значение, которое оно имеет для представляемого, был сделан вывод о необходимости понимания представительства как особой организационно-правовой формы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей.

Список использованной литературы:

1. Андреев В.К. Представительство. Доверенность // Нотариус. 2013. N 3.
2. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Вольтерс Клувер, 2009.
3. Вершинина А.П. Способы защиты гражданских прав в суде: Дис. ... д.ю.н. СПб., 1998.
4. Гражданское право: Учебник. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. В.П. Мозолина, А.И. Масляева. М.: Юристь, 2005.
5. Гражданское право: Учебник. В 3 т. Т.1 / Под общ. ред. С. А. Степанова. М.: «Проспект»; «Институт частного права», 2011.
6. Дороженко М.Ю. Гражданско-правовое регулирование представительства: проблемы теории и законодательства: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007.
7. Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка в 3 т. **Издательство:** АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
8. Невзгодина Е.Л. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск: Издательство Томского университета, 1980.
9. Носкова Ю.Б. Представительство в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
10. Российское гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2011.
11. Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006 (серия «Классика российской цивилистики»).
12. Советское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т.1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1985.

© С.В. Корякин, 2014

УДК 340.5

В.И. Кузьменко

к.ю.н., доцент кафедры теории и методики
обучения праву и правоведения ЕИ КФУ

С.Х. Мухаметгалиева

к.и.н., доцент кафедры частного и публичного права ЕИ КФУ

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Исследование структурных элементов романо-германской правовой семьи и российской правовой системы, их государственно-правовых институтов, основываясь на сравнительно-историческом методе познания, позволит выявить общее и специфичное, определить степени и тенденции их формирования и функционирования, что даст возможность свести

все многообразие конкретно-национального регулирования в определенную систему, а также сделать прогнозы относительно их будущей эволюции.[3, с. 72]

На соотношение правовых семей и систем также оказывают влияние экономические, политические, культурные, религиозные факторы. [6, с. 89]

Каждое государство имеет собственное историческое прошлое, темпы и уровни политического, экономического, социального и правового развития. Однако в настоящее время необходимо учитывать общие интеграционные процессы и укрепляющееся сотрудничество государств в различных сферах жизнедеятельности. Сегодня наблюдается тенденция взаимопроникновения правовых теорий, учений и взглядов, интенсивный обмен правовой информацией, принятие согласованных или сходных актов и норм. [7, с. 15]

При анализе современной взаимосвязи романо-германской правовой семьи и российской правовой системы достаточно плодотворным представляется проведение сравнительно-правового анализа через призму характеристики объектов или уровней правовой системы и государственно-правовых институтов. Мы считаем целесообразным выделить следующих блоков и элементов, позволяющих говорить об имеющейся взаимосвязи романо-германской правовой семьи и российской правовой системы: 1) форма (источник) права, 2) усиление сходства элементов системы права, 3) наличие единых общемировых целей и задач для решения глобальных проблем современности, 4) единство правовых концепций, стремление к определенному уровню правосознания и правовой культуры, 5) единые стандарты юридического образования и как следствие юридической профессии, 6) реципируемые государственные и общественные институты, опосредуемые правом, 7) единые принципы построения формы государственного устройства и взаимоотношений с субъектами. В связи со всем вышесказанным неизбежно возникает вопрос о характере взаимосвязи указанных блоков и элементов.

Начальным блоком сравнительно-правового анализа выступает категория «форма (источник) права». Традиционно страны романо-германской правовой семьи, российская правовая система в качестве источника права признают нормативно-правовой акт. Однако все более острыми становятся дискуссии в отношении признания судебного прецедента в качестве источника права. Признавая в целом фактическое существование прецедента как источника романо-германского права, следует по-разному оценивать как сам факт признания прецедента, так и его значение в системе романо-германской правовой семьи. [2, с. 109] В этом плане представляется уместным отметить, что такой своеобразный политико-правовой «компромисс» можно наблюдать и в современной российской действительности.

Одним из путей развития и форм проявления процесса взаимосвязи романо-германского и российского права является также усиление сходства структуры и содержания элементов системы права, куда можно отнести нормы, правовые акты, подотрасли и отрасли законодательства, предметы и методы правового регулирования, а также юридические понятия и термины, юридическую технику.

В современной законодательной базе возникает острая проблема расширения сферы правового регулирования. Это ряд таких важных вопросов, как информатика и информатизированные системы управления, электронная торговля и товароборот, космическая сфера, проблемы клонирования и трансплантация органов и тканей человека и ряд других сфер нормативного регулирования, в котором имеются огромные пробелы, требующие оперативного закрепления и санкционирования. [9, с. 16]

Активно ведутся исследования о необходимости отдельного законодательного кодифицирования торгового права России, что соответствует тенденциям развития стран континентальной правовой семьи, например в Италии, Франции, Германии имеются отдельные кодифицированные акты в сфере торгового права. Примечательно, что единство

структуры элементов системы права, а в частности иерархия нормативно-правовых актов представляется нам достаточно определенной. Так, например, нормы французского права конституционные и международно-правовые нормы. Далее следуют (иерархия приводится в отношении уголовного законодательства Франции) Уголовный кодекс Франции 1992 г. и другие кодифицированные законы, некодифицированные уголовные законы, а также подзаконные акты, принятые исполнительной властью.

Роль судебной практики и уголовно-правовой доктрины ограничена, хотя немаловажное значение для французского уголовного права имеют решения Палаты по уголовным делам Кассационного Суда Франции. [8, с. 252] Такую же иерархию построения нормативно-правовых актов по юридической силе можно проследить и в системе российского права.

Обратимся к анализу единства ряда нормативно-правовых актов. Можно отметить, что в Конституции РФ 1993 г. содержится немалое количество заимствований из европейских конституций. Так, в главе, касающейся президентской власти, очевидно французское и американское влияние. Так, действующее гражданское законодательство восприняло положения германского и французского гражданских кодексов. В частности, институт оценки и возмещения морального вреда был выработан странами именно романо-германской правовой семьи. Некоторую взаимосвязь можно проследить в других нормативных актах: налоговое, бюджетное, уголовно-процессуальное законодательство.[4, с. 7]

Усиление сходства структуры и содержания рассматриваемых правовых систем выражается также в установлении и распространении «универсальных» трудовых и иных стандартов, а также в расширении правового массива, касающегося таких относительно новых прав и свобод человека и гражданина, какими являются права третьего поколения – коллективные права, право на развитие и социальные права.

Взаимосвязь компонентов романо-германской правовой семьи и российской правовой системы проявляется в вопросах юридической терминологии и юридической техники. Многие термины из философии права и юридической практики взяты странами романо-германской правовой семьи именно из римского права: «юстиция», «республика», «конституция», «мандат», «казус», хотя их настоящее значение зачастую не совпадает с их первоначальным смыслом.

Однако подводя итог рассмотрению вопроса единства элементов системы права, хотелось бы отметить следующее: доступность использования структуры и содержания системы права романо-германской правовой семьи для российской правовой системы не всегда должно представлять собой механическое и простое перенесение. Необходимо задуматься о сущности и содержании, а также возможности их использования в правовой действительности нашего государства. Следующим элементом взаимосвязи романо-германской правовой семьи и российской правовой системы является наличие единых целей и задач для решения глобальных проблем современности.

При рассмотрении взаимосвязи романо-германской правовой семьи и российской правовой системы возникает вопрос об «исследовании правовых средств и способов решения сходных или одинаковых социальных и правовых проблем различными правовыми системами», [5, с. 51] в том числе выработка единых концепций и правовой политики, достижение определенного уровня правовой культуры и правосознания в обществе. Речь идет о единстве направлений и концепций правового развития, что подтверждается различными соглашениями, протоколами и конвенциями.

Следующим элементом, характеризующим взаимосвязь рассматриваемых правовых систем, мы определили единые стандарты юридического образования и как следствие

юридической профессии. На всем европейском пространстве происходит приведение высшего образования к единым стандартам, так называемый болонский процесс.

Особое внимание в контексте изучения вопросов современной взаимосвязи романо-германской правовой семьи и российской правовой системы уделяется рецепируемым государственным и общественным институтам, опосредуемых правом. Это государственные органы, институты отдельных должностных лиц, судебная и политическая система и ряд других.

Следует отметить, что в практической плоскости возникает необходимость воплощения в содержание действующих правовых норм общечеловеческих моральных принципов и ценностей, таких как: ограничение излишнего вмешательства государства в экономическую сферу; развитие гражданского общества; доверие государства гражданам, институтам гражданского общества и делегирование последним некоторых полномочий; перманентное социальное партнерство.

В настоящее время все больше внимания уделяется сравнительно-правовым исследованиям единых тенденций направлений развития государственного устройства России и европейских стран, о чем свидетельствует ряд монографических и диссертационных исследований.[1, с. 12] Исследователи указывают на единые принципы формы государственного устройства и взаимоотношений центра с субъектами.

Современный этап развития российской правовой системы усложняется введением в ее состав общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров РФ.

В условиях европейских интеграционных процессов государство как таковое стало терять положение монопольного защитника прав человека. Решение правозащитных задач вышло за рамки исключительной компетенции одного государства.

Исследование взаимосвязи в рамках сравнительно-правового анализа романо-германской правовой семьи и российской правовой системы позволяет говорить о ряде сходных и даже общих элементах как правовой системы, так и моделей государственности, что вызвано многими геополитическими, социальными, экономическими, культурологическими, психологическими факторами.

Список использованной литературы:

1. Знаменщиков Р.В. Принципы федерализма в России и Германии (сравнительное конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 25 с.
2. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. 989 с.
3. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004. 700 с.
4. Романчук Я. Запад против «Запада» // Свободная мысль. 2007. №1. С. 5–21.
5. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М. : Юрист, 2000. 456 с.
6. Социология права / под ред. В.В. Касьянова, В.Н. Нечипуренко. Ростов н/Д : Феникс, 2001. 356 с.
7. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. №6. С. 3–15.
8. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. М. : Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. 567 с.

УДК 343

О.Ю. Овчухова

Магистрант 1 курса НИУ СГУ
им. Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, РФ

ПОНЯТИЕ ОСМОТРА КАК НЕОТЛОЖНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕГО ВИДЫ

Одним из главных базовых методов, с помощью которых раскрываются преступления, является наблюдение, выражающееся в основном в комплексе таких следственных действий как осмотр, освидетельствование и эксгумация. Практика показывает, что осмотр – высокоэффективное средство раскрытия преступления и обеспечения всесторонности расследования, так как позволяет получить обширную информацию об исследуемом событии. Особая важность и значимость осмотра подчеркивается и изменениями от 04.03.2013 в Уголовно-процессуальном Кодексе РФ, в соответствии с которыми осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

В УПК РФ не дается четкого определения понятию осмотр, не смотря на то, что для регламентации осмотра непосредственно и его видов в частности выделена целая отдельная глава 24 УПК РФ «Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент», состоящая из 6 статей, что обусловлено значительным количеством его видов. Однако для более эффективного применения любого средства необходимо точно осознавать его суть, поэтому многие ученые предпринимали попытки дать определение рассматриваемому понятию.

Некоторые авторы [4, с. 6] в значительной мере сужают суть осмотра, сводя его только к наблюдению: «Осмотр – это следственное действие, направленное на собирание доказательств в основном путем непосредственного наблюдения за не являющимся телом человека объектом и отражения его результатов в соответствующем протоколе». Наблюдение – основной метод проведения осмотра, однако сам осмотр включает в себя так же и различные измерения, вычисления, сравнения и описание обнаруженного и установленного лицом, производящим такое следственное действие как осмотр, в основном документе, фиксирующем ход осмотра, - протоколе. Так, например, кроме визуальной информации, именно результаты восприятия запаховой информации при осмотре фиксируются в соответствующем протоколе чаще всего. Это, как правило, специфический запах уксусного ангидрида и других веществ и прекурсоров, используемых при кустарном изготовлении наркотических средств, запах пороховых газов в помещении, где был произведен выстрел, запах бензина и других легковоспламеняющихся жидкостей – при осмотре по делам, связанным с

поджогами, и т. п. Такой же точки зрения придерживается и большинство ученых [2, с. 170; 5, с. 391].

Поэтому более корректным будет определение, данное другим коллективом авторов, которое отражает и другие аспекты осмотра: «Следственный осмотр – это следственное действие, состоящее в непосредственном обнаружении, обозрении, исследовании и фиксации объектов, имеющих значение для уголовного дела» [1, с. 246]. Надо отметить, что некоторые авторы вообще не уделяют внимания этому вопросу и исследуемое понятие не раскрывают.

Первая попытка классификации осмотров была предпринята в 1935 И.Н. Якимовым. Он выделил осмотр помещения, осмотр местности, осмотр орудий преступления, осмотр одежды, обуви и мелких вещей, однако эти виды можно объединить в осмотр предметов. Более современные классификации отражают самые различные критерии формирования. Например, Н.П. Яблочков выделяет места происшествия, трупа на месте его обнаружения, местности и помещений, не являющихся местом происшествия, предметов и документов, почтово-телеграфной корреспонденции, освидетельствование живых лиц, осмотр животных и их трупов. Также встречаются и более развернутые классификации: осмотр места происшествия, осмотр участков местности и помещений, не являющихся местом происшествия, осмотр предметов, осмотр документов, наружный осмотр трупа, осмотр животных, осмотр почтово-телеграфной корреспонденции; освидетельствование, осмотр транспортных средств.

Так же есть и небольшая классификация, предложенная законодателем в УПК: кроме осмотра выделяется освидетельствование (осмотр живого человека) и эксгумация. По поводу последнего следственного действия в науке существует дискуссия об отнесении его к выемке, а не к осмотру. Сторонники этой теории мотивируют такой подход в основном тем, что при проведении эксгумации отсутствуют поисковые действия (при выемке они также сведены к минимуму); по своей сути изъятие трупа из захоронения ничем не отличается от изъятия иных объектов, разница только в технологии – захоронение необходимо раскапывать. [3, с. 64] Однако данная теория вполне обоснованно не получила значительного распространения в силу того, что не выемка трупа является самоцелью этого следственного действия, а его изучение и решение вопросов судебной экспертизы путем его осмотра.

В каждом из представленных видов имеются свои проблемы, как теоретической, так и практической направленности, которые решаются и учеными, и практиками, и даже правоприменительными органами.

Список использованной литературы:

- 1) Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2005;
- 2) Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. М.: Мегатрон XXI, 2000;
- 3) Койсин А.А. Эксгумация трупа – осмотр или выемка? // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1;
- 4) Рыжаков А.П. Осмотр: основание и порядок производства. Научно-практическое руководство – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007;
- 5) Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

© О.Ю. Овчухова, 2014

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Кардинальное реформирование всех сторон общественной жизни современной России ставит на повестку дня проблему качественного правового регулирования деятельности правоохранительных органов.

Понятие «правоохранительные органы» следует анализировать с учетом особенностей их деятельности в современных условиях. При этом целесообразно рассматривать такую деятельность через многообразие возникающих объектов. Важно то, что именно характер объекта определяет особые требования к субъектам соответствующих правоотношений: наличие допуска к «грифованным» документам, специальной подготовки, необходимой для работы со спецтехникой, и др. Т.е. именно характер объектов определяет появление в правоотношениях специальных субъектов и особенности этих правоотношений в целом.

Так, в современной юридической литературе у ученых-юристов нет единства относительно выделения классификации объектов правоотношений, которые возникают в деятельности правоохранительных органов. Спорным в теории правоотношений является классификация объектов в зависимости от принадлежности к монистической или плюралистической теории. Согласно монистической теории [4, с.88] объектом правоотношений являются действия их субъектов, т.к. только действия, поступки подвергаются правовому регулированию юридическими нормами и контролю.

Если в правоотношении отсутствуют материальные и т.п. объекты, то действительно следует полагать, что права и обязанности направлены на действия, поведение субъектов возникшего правоотношения. Однако при всестороннем подходе к правоотношению, когда оно изучается как единство юридической формы и материального содержания, а также в том случае, когда особо выделяется его материальное содержание (т.е. волевое поведение людей), возникает необходимость рассматривать действия (поведение) как особо важный объект правоотношений. Дело в том, что действия могут быть как отдельным объектом правоотношений (услуги, явка в военкомат и т.п.), так и выступать в сочетании с другими объектами (купля-продажа или аренда имущества, перевозка грузов, сбор и хранение информации и т.д.).

По мнению автора, наиболее приемлемой является плюралистическая теория объектов правоотношений, которой придерживается большинство ученых, поскольку она отражает многообразие существующих объектов и не исключает материального содержания правоотношения. Важно, что такой точки зрения придерживаются специалисты гражданского и других отраслей права.

Имеются серьезные разногласия и относительно вопроса, только ли блага являются объектами правоотношений? Благо обычно трактуется как добро. Однако не всякий объект правоотношения представляет собой благо. Так, преступное деяние, будучи юридическим фактом в конкретных уголовных правоотношениях, в то же время является объектом общих правоотношений (обязанность граждан не

совершать запрещенных действий и встречное право государства). Нельзя рассматривать как благо и такие объекты гражданского права, как товары ненадлежащего качества, фальсификаты и др. [10, с.32].

На современном этапе научно-технического и экономического развития общества увеличивается число вновь складывающихся общественных отношений (в частности, к ним относятся отношения, которые связаны с использованием современных средств науки и техники, глобальных компьютерных сетей) и, как следствие, появляются новые виды объектов возникающих правоотношений, значительно изменяется форма существующих объектов. Отечественное законодательство не всегда своевременно и в полной мере принимает во внимание эти особенности и зачастую не успевает реагировать на появление новых объектов правоотношений либо изменения в системе уже существующих объектов. В частности, недостаточно развиты нормы, регламентирующие отношения, связанные с обработкой персональных данных, не закреплены гарантии безопасности (личности, общества и государства), а также порядок разрешения противоречий, связанных с объектами правоотношений, складывающихся в деятельности правоохранительных органов [10, с.22].

Соответственно сегодня в теории государства и права существуют значительно различающиеся подходы к классификации объектов правоотношений, возникающих в правоохранительной деятельности. И именно этим обстоятельством обусловлено то, что целесообразно говорить о множественности объектов правоотношений в правоохранительной системе. При этом под классификацией объектов правоотношений в правоохранительных органах понимается совокупность объектов, обладающих набором определенных качественных характеристик локализованных в правовой деятельности указанных органов. В этом плане следует подчеркнуть, что эти объекты соответствуют либо общему качеству структуры правоохранительной деятельности, либо элементам правоохранительной системы на онтологическом уровне. Можно сказать, что при классификации и выделении элементов правовых систем «все зависит от конечных целей, которые ставит перед собой классификатор» [2, с.245].

Подход отнесения к правоохранительным органам, основанный на выделении объектов правоотношений, позволяет по-новому, на более продуктивном в научно-теоретическом плане осмыслить феномен правовой системы, а также объяснить причины той разницы в объеме понятия «правоохранительные органы», которую мы можем видеть в рамках современной юридической теории права.

Возможно, попытаться совместить множественность объектов правоотношений в рамках одной узнаваемой парадигмы, которая позволит отнести те или иные государственные органы к правоохранительным.

Далее следует, подтверждая тезис о многообразии объектов правоотношений, выделить наиболее важные из них. В этом отношении можно предложить рассмотрение классификации, включающей в себя общие и особенные объекты.

Так, к *общим* относятся объекты: безопасность (личности, общества, государства); основные права и свободы человека и гражданина; действия (в том числе сотрудников органов внутренних дел); информация; документы, в том числе протоколы, постановления, паспорта и др. [1, с.14]. К *особенным*: электронный документ; интегрированные банки данных и сетевые каналы связи, а также «грифованные» документы, в том числе документы, содержащие государственную, коммерческую или иную тайну, некоторые средства связи (например,

радиостанции), спецтехники, транспорта (бронемашины, вертолеты), спецсредства (слезоточивый газ) и др. Общие объекты правоотношений характерны для деятельности сотрудников правоохранительных органов независимо от их специальных полномочий. Особенности объектов характерны только для деятельности той или иной части сотрудников данных органов, обладающих специальными полномочиями.

Выделенные объекты правоотношений позволяют определить границы полномочий сотрудников правоохранительных органов, с учетом специфики решаемых ими задач в современных условиях. Наибольший интерес имеют особые объекты указанных правоотношений, поскольку можно попытаться определить, какие именно качественные характеристики (отнесение каких объектов правоотношений) позволяют понять, какие государственные органы относятся к правоохранительным. При этом нужно осознать, что классификация объектов правоотношений – это и результат системного подхода к правоохранительной деятельности, и объект применения системного анализа к исследованию ее самой [7, с.84].

Отнесение к правоохранительным органам можно также различать по присущим им *функциям*. Базовыми являются не только набор функций и способы их осуществления, но и системообразующие функции, которые часто разнятся в различных правовых системах. В качестве таких функций следует рассмотреть, по аналогии с направлениями действия права, выделяемыми В.П. Малаховым, следующие: функция регулирования, функция нормирования, функция принуждения и функция суда (в широком смысле, как разрешения споров, конфликтов) [3, с.58; 5 с.115; 6 с. 164]. Такой подход обладает выраженной практической значимостью. Также к правоохранительным функциям следует отнести: функцию конституционного контроля, прокурорского надзора, обеспечение безопасности, расследование правонарушений, исполнение судебных решений, охрана общественного порядка, оперативно-розыскная деятельность, оказание юридической помощи, превентивная деятельность.

Следовательно, можно выделить следующие основания для выделения характеристик, относящихся только к правоохранительной системе:

1. Особенности объектов, связанные с необходимостью обладания особыми профессиональными качествами - знаниями, навыками, умениями и т.п., которые необходимы для работы с такими объектами (криминалистическая и специальная техника, сетевые каналы связи и т.п.).

2. Особенности содержания информации (например, документы, имеющие грифы ДСП, секретно, совершенно секретно, персональные данные, служебная и коммерческая тайна и т.п.).

3. Особая опасность для окружающих при работе с такими объектами (оружие, специальные средства и проч.).

4. Особенности объектов, связанных с обеспечением безопасности (безопасность личности, общества, государства, документооборота).

5. Особенности деятельности правоохранительных органов, связанной с расследованием правонарушений, исполнением судебных решений, охраной общественного порядка, оперативно-розыскной деятельностью, оказанием юридической помощи, превентивной деятельностью.

6. Эти органы образуют единую систему противодействия коррупции и организованной преступности в современных условиях, которая способна

эффективно действовать в информационном обществе. Вследствие чего, следует разработать комплекс антикоррупционных мер, основанных на создании эффективного механизма взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества, а также создать межведомственную систему правоохранительного контроля, унифицировать технологии налогового, таможенного и пограничного, паспортно-визового контроля, программного обеспечения автоматизированных систем в правоохранительной системе.

К правоохранительным органам следует отнести: органы прокуратуры, органы Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральную службу безопасности Российской Федерации, органы налоговой полиции, таможенные органы, органы Министерства юстиции Российской Федерации, а также негосударственные организации обеспечения правоохраны (адвокатуру, «частный нотариат», частные охранные и детективные структуры).

Таким образом, *правоохранительные органы* - это государственные органы, осуществляющие специализированные правоохранительные функции, сотрудники которых имеют доступ к ограниченной информации, обеспечивают безопасность граждан, общественных объединений, государственных институтов и иных участников правоотношений от правонарушений.

Подход к определению правоохранительных органов через призму объектов правоотношений, именно в таком ракурсе, является наиболее полезным для теоретика, который исследует правоохранительные органы в связи с особенностями их деятельности, пытаясь понять, какова она на практике.

Список использованной литературы:

- [1] Афанасьев В.С., Тюрина Е.Н. Документ как объект правоотношений. На основе материалов правоохранительных органов // Закон и право. 2012. № 2. С. 41.
- [2] Бергель Ж.-Л. Общая теория права. М. 2000. 245 с.
- [3] Беседин А.А. Правовая система общества: понятие и базовые структуры // Юридический мир. № 3. 2011. С. 58.
- [4] Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. 781 с.
- [5] Малахов В.П. Философия права: формы теоретического мышления о праве. М. 2009. 263 с.
- [6] Палазян А.С., Малахов В.П. Функциональная характеристика права: вопросы методологии. М., 2009. 232 с.
- [7] Прохорова Е.Н. Объекты правоотношений, возникающих в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Калининград, 2014. 165 с.
- [8] Степанов О.А., Тюрина Е.Н. Безопасность как объект правоотношений в современном обществе // Современное право. 2011. № 10. С. 14.
- [9] Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1959. 88 с.
- [10] Тюрина Е.Н. Объекты правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с; Объекты правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел: вопросы теории. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 166 с.

© Е.Н. Прохорова, 2014

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВОБОДЫ

Многими советскими и зарубежными правоведами ставился вопрос о соотношении свободы и права, их значения для современного понимания и гармоничного слияния в единое целое, а так же о дальнейшем применении их в действующем законодательстве.

Современная теория права выделяет как минимум три основных правовых способа воплощения свободы в общественные отношения.

Во-первых, право может рассматриваться в качестве способа выражения требований объективной необходимости в наиболее доступной для понимания, осознания и воплощения в жизнь форме – через правовые предписания, которые являются производными от основных интересов общественного развития.

Во-вторых, право является способом защиты свободы через санкции по отношению к членам общества, не желающим его придерживаться. Именно в этом проявляется способность права активно воздействовать на социальную действительность, быть средством реализации свободы.

В-третьих, отмечается организующее, дисциплинирующее, воспитательное начало в праве, так как свобода предполагает сознательное и осмысленное руководство своими действиями.

Ряд авторов полагает, что право является своего рода мерой свободы, способом легализации и выделения социально значимой части, указателем границ должного и возможного. К таковым авторам относятся Матузов Н.И., Малько В.А., Явич Л.С., Савицкая В.Н. и т.д. Так, к примеру, М.В. Баглай, говоря о детерминированности современного конституционно-правового учения о свободе подчёркивает, что закрепление прав необходимо для того, чтобы помочь человеку осознать свои возможности. Но ни один перечень прав не исчерпывает содержания свободы [1, с. 178-183].

Другие авторы, считают такой подход ошибочным, противоречащим главному принципу, связующему право и свободу. По их мнению, в качестве мерила, официально признанных рамок свободы могут рассматриваться только нормативно-законодательные акты, представляющие собой внешнее формальное выражение требований права. Результат законодательного регулирования общественных отношений можно назвать юридической свободой, которая представляет собой один из аспектов сложного и многогранного комплекса социальной свободы. В качестве аргументации этого положения можно привести то, что система законодательства при определённых условиях может выступать мерой несвободы. Законы могут носить антиправовой характер, стать инструментом уничтожения свободы. Сам процесс правового регулирования является средством достижения свободы личности посредством права. Он (процесс правового регулирования), может выступать как полноценный механизм непосредственного достижения свободы.

Мощным средством правового стимулирования достижения свободы выделяется такой элемент правового регулирования, как реализация права, то есть претворение в жизнь правовых требований [2, с. 221].

Некоторые исследователи, например Нерсесянц В.С., в качестве основной связи свободы и права выделяют такой основополагающий принцип права, как равноправие [3, с. 291-294].

Правовая всеобщность и формальное равенство составляют смысл правовой свободы, а право выступает как всеобщий масштаб и равная мера свободы индивида.

Нередко свободу отождествляют с субъективным правом, в то время как оно (право), что следует из общей теории права, есть мера возможного поведения людей. Однако, в большинстве случаев, когда речь идёт о субъективном праве, предполагается наличие определённого субъекта, на котором лежит соответствующая этому праву обязанность. Когда же речь идёт о свободе, имеется в виду запрещение эту свободу отрицать или ограничивать, обращённое к неопределённому кругу субъектов, обязанных уважать данную свободу, то есть практически к любому возможному нарушителю свободы. Изложенное различие между правом и свободой достаточно условно, оно применимо не во всех случаях [4, с. 122-123].

Кроме того, термин «свобода» используется в позитивном праве для формирования принципов права, которые, в свою очередь, подразумевают признание определённых субъективных прав. В то же время, нельзя не отметить тот факт, что право – это институт, способствующий достижению свободы субъектами права. В числе своих функций право имеет способствование достижению членами общества свободы.

С.А. Левицкий бытие свободы рассматривает в неразрывной связи с существованием права и государства. В частности автором указывается на то, что либерализм создал миф об абсолютно суверенной личности - миф, который разбивается в прах при столкновении с проснувшейся общественной стихией. Но еще хуже коллективистский миф о человеке как только о члене коллектива. Ибо этот миф способствует архаизации и одичанию подсознания - частичному возврату личности в сферу непробужденного «коллективного подсознания», приводя, таким образом, к духовному регрессу.

От обеих этих крайностей свободен персонализм, учащий об автономности (но не абсолютности) личности, учитывающий всю силу общественной стихии, но зовущий к преобразению как личного, так и общественного подсознания через свободное служение личности сверхличным и сверхобщественным ценностям истины, добра и красоты.

Демократический правовой строй, предоставляющий личности максимум свобод, возможных в организованном государстве, тем самым предоставляет личность самой себе - дает ей возможность строить своё существование в положительном смысле этого слова. Но, в связи с тем что большинство людей понимает свободу в отрицательном смысле, то демократический правовой строй, не восполненный творческим использованием свободы, способствует разрушению человеческой личности обременяемой пороками вседозволенности.

Полная свобода в рамках легальности - цель, достигнуть которой стремятся все демократические страны в настоящее время. Здесь предполагается ограничение отрицательной свободы рамками законности, и не дается почти никаких стимулов для воспитания в духе положительной свободы. В рамках так понятой свободы остается слишком мало оснований, способных объединить разнородных индивидов в единое целое.

Одно утверждение формальных свобод, без духа и атмосферы свободы, без учета всего целостного спектра свободы, приводит к исчезновению любви к свободе, к восприятию свободы как пустоты, требующей любого заполнения. Так возникает современная версия «бегства от свободы».

Свобода находится не в царстве природы, а в лоне культуры. Только в системе организованного государства, в атмосфере ценностей культуры и морали может человек пользоваться плодами свободы. Злоупотребления государственной властью, превращение государства в Левиафана представляют собой именно злоупотребления, а не выражают нормальной природы правового государства, объективный смысл существования которого

- именно охрана сферы свободы граждан [5, с. 310-313]. Таким образом, свобода нуждается не только в отрицательном, но и прежде всего в положительном определении.

Как известно из общетеоретического определения и понимания: право – есть система общеобязательных формально определённых правил и норм поведения человека, принятых или санкционированных государством и охраняемых им от нарушений [6, с. 114].

Право существует в неразрывной связи с бытием человека, имеет общесоциальную сущность. Оно, как и свобода, находится в неразрывной связи с разумом человека, ибо создано и совершенствуется усилиями человеческой мысли, в «прямой зависимости от развивающегося социального интереса и благополучия» [7, с. 193 - 206].

В этой связи следует не согласиться с рядом авторов [8, 9], которые считают, что явление свободы необходимо рассматривать с точки зрения нормативистского подхода к правопониманию.

Позиция указанных учёных основана на том, что юридическая свобода возможна только в сфере общественных отношений, регулируемых нормами права. В данном случае авторами упускается из вида, как минимум, существование иных социальных регуляторов, играющих помимо права немаловажную роль в социализации человека.

Право наряду с иными социальными нормами (обычаями, моральными законами, религиозными постулатами) создаёт среду, в которой существует человек. Не случайно всеми учёными-исследователями признаётся, что помимо права, волю человека определяют и иные мотивы (психологический аспект) или, на основании положений общей теории права, социальные нормы.

Тем не менее, нельзя отрицать, что всякое действие может быть основано на позициях оценки добра и зла, сложившегося исторического опыта или на религиозных убеждениях.

Рассматривая взаимосвязь явлений права и свободы следует помнить, что именно школа естественного права поставила во главу угла человека, признала его неотъемлемые права, дарованные ему самим его бытием («Право создано человеком и для человека»). Базирующиеся на философском рационализме принципиальные идеи естественного права лежат не только в области действующей юриспруденции, но и в области общей теории права (как науки) и философии права. Надо отметить, что гносеологическая установка естественноправового подхода может считаться научной в смысле классической научной рациональности применимости [10, с. 97-132].

Правовая материя естественного права охватывает спектр правовых явлений гораздо больший чем это может сделать право, рассматриваемое с позиций нормативизма или позитивизма. Только основываясь на понимании права как специфического социального регулятивного института, включающего в себя помимо нормативно - законодательных актов весь комплекс правовых регуляторов (основные правовые принципы, правосознание, процесс реализации права, и т. д.) можно отразить связь между свободой как состоянием субъекта коммуникации и правом как инструментом регулирования общественных отношений и найти объединяющий их принцип [11].

Чтобы избежать недопонимания, следует добавить, что теория свободы как отсутствие принуждения не проповедует отсутствия принуждения абсолютного во всех случаях, хотя это может показаться парадоксом. Есть такие ситуации, когда людей необходимо принуждать к чему-то, чтобы сохранить свободу других людей. Люди часто понимают по «свободой» (freedom, liberty) не просто отсутствие принуждения, но ещё что-то – например, как сказал бы один уважаемый американский судья, «надёжное состояние, позволяющее его обладателю получать удовольствие от жизни». Именно такие люди часто не сознают противоречий между двумя различными значениями слова «свобода» и отказываются признавать

неприятный факт, который заключается в том, что нельзя обрести свободу во втором смысле, не пожертвовав до известной степени свободой в первом смысле.

Люди другого типа, те, кто борется за то, чтобы в обществе увеличилось принуждение ради увеличения «свободы», умалчивают о том, что «свободу» они понимают в виду свою собственную, а принуждение, которое они хотят увеличить, распространяется исключительно на других. В итоге «свобода», которую они проповедают, заключается в том, чтобы принудить других делать то, что бы они никогда не сделали, если бы у них была свобода выбора [12, с. 19-20].

Таким образом, в правовом государстве, что корреспондирует изложенному выше, правовые обязанности имеют прямую и непосредственную связь с явлением свободы, должны быть в наивысшей степени к ней приближены, а в идеале содержать единой целое.

Если рассматривать право и свободу, как среду или субстанцию, в которой пребывает личность (под личностью следует понимать человека, обладающего разумным сознанием), то можно прийти к следующему выводу:

право и свобода производны от человеческого существования, с одним только существенным различием: свобода существует в сознании конкретного индивида и ограничена этим сознанием, в то время как право установлено обществом в целом, имеет общепризнанные границы (отрасли, институты, нормы, имеет действие во времени и пространстве, распространяется на определенный круг лиц), материальное закрепление и выражение. Приходится согласиться с тем, что имеет место столкновение двух качественно различных проявлений бытия человека: действия, обусловленные осознанием собственной свободы, и действия, определённые «правовой материей».

При таких обстоятельствах нельзя говорить не об ограничении свободы правом, не об умалении права свободой.

Право как социальный институт, и свобода члена общества, как его состояние, существуют во взаимосвязи, о которой и пойдёт речь далее.

В качестве основного детерминанта выступает социальная и осознанная обусловленность. Она объективируется закономерностями общественного развития, а так же комплексом объективных интересов общества в целом и каждой отдельной личности.

Незрывность связи права как специфической формы общественных отношений и свободы как характеристики жизнедеятельности человеческой личности подтверждается и тем, что фундаментальное значение свободы личности для человеческого бытия в целом отражает вместе с тем место и роль права в общественной жизни общества. Наблюдаемый в истории прогрессивный процесс освобождения наций и народов от различных форм внешней зависимости, угнетения и подавления – это одновременно и правовой прогресс, прогресс в правовых формах выражения, существования и защиты этой развивающейся свободы [13, с. 6].

Вследствие этого социальный прогресс в общественных отношениях должен представлять собой прогрессирующее движение ко всеобщей свободе.

По своему теоретическому определению право выступает ограничителем свободы, формой выражения формальной свободы. Право задаёт «рамки» волевым действиям людей. И всё то, что выходит за «рамки» этих правил «автоматически» становится несвободным и подвергается каре. Но акт действия обусловлен сознанием человека, и может быть основан именно на явлении свободы.

Таким образом говорить о том, что какие-то поступки и действия людей право признаёт свободными, а какие-то нет, представляется не совсем верным.

К внешнему проявлению свободы возможно отнести и противоправное поведение (преступление, правонарушение, деликт или проступок). Законные, а так же

противоречащие закону действия человека, и только в том случае, если они охватываются сознанием и волей их носителя, основаны на идеях свободы, существует возможность отнести к поступкам свободным.

Необходимо сразу оговориться, что речь здесь, никоим образом, не идёт о произволе и анархии. Говоря о свободном проявлении бытия человека ранее, не случайно была сделана попытка дать философское определение свободы.

В данном случае следует сделать укор на несовершенство закона, а не на высшую степень проявления правового нигилизма. Право, должно, как подчёркивал Гегель, «с математической точностью регулировать все общественные отношения».

История приводит множество фактов, свидетельствующих о том, что отношения, складывающиеся в определённом обществе или государстве, другим подобным социальным образованием признаётся незаконным (антиправовым). Помимо этого аналогичная ситуация происходит по мере развития общественных отношений при кардинальной смене общественной формации и парадигмы. Явным тому примером служит античные рабовладельческие государства, где раб (человек) был приравнен к вещи; средневековая феодальная Европа; Московское государство, одним из социальных регуляторов в котором выступало Крепостное право. Данные примеры наиболее ярко отражают процесс кардинальной перемены как сознания человека в частности, так и правового регулирования в общем.

Следуя этой логике можно прийти к выводу, что любой поступок, как внешнее проявление свободного акта, должен быть определён разумом, таким образом, чтобы «правовая материя» не оставляла выбора для совершения противоправного деяния. Закон должен быть идеальным, не предоставляя основания или причины для его нарушения. К аналогичному заключению приходит С.С. Алексеев: «государственное принуждение является средством организации волевых устремлений субъектов с целью их подчинения государственной воле. Оно характеризует такое фактическое состояние, которое если и не исключает решение человека из цепи детерминации, то во всяком случае ставит человека в положение, когда у него нет выбора для избрания иного варианта поведения. Это делает государственное принуждение надёжным ... социальным инструментом, обеспечивающим функционирование правовой системы, реальность правовых установлений, их общеобязательность».

Вместе с тем право как специфический социальный феномен нуждается не в государственном принуждении вообще, а в государственном принуждении, сообразном праву, им обогащённом, т.е. в правовом принуждении» [2, с. 191-192].

В первую очередь это предполагает повышение качества законодательства, достижение максимально возможной в конкретных условиях его социальной адекватности, беспроблемности и противоречивости.

Важнейшим инструментом решения задачи адекватного применения действующего законодательства становится юридическая техника. Полное и правильное применение приемов и средств, учет правил законодателем при издании нормативных правовых актов, не содержащих пробелов и коллизий, способных эффективно урегулировать общественные отношения, есть средство, обеспечивающее объективацию свободы не только потенциально, в юридических нормах, но и реально, в общественной жизни [14, с. 3-5].

Идеальный синтез права и свободы при таких обстоятельствах достигнуть становится невозможным. Такой вывод в целом совпадает с положением гегелевской философии о том, что право определяет необходимость, лежащую в основе подлинной свободы.

Однако к идеалу можно только стремиться, но достигнуть его достаточно сложно, а подчас и невозможно.

Остаётся остановиться на том, что право предусматривает карательный механизм воздействия на личность за совершение противоправного деяния. Общество может подвергнуть физическому наказанию человека, лишить его возможности передвижения, одного из признаков проявления свободы, но заставить его прекратить мыслить, лишить его разума не возможно.

Библиографический список:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. - 3-е изд., изм. и доп. - М.: Издательство НОРМА, 2002 г.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд. 2008 г.
3. Мамонов Г.Н. Теория государства и права / учебник. 2009 г.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. / под. Ред. Б.А. Страшуна. М., 2000 г. Т. 1-2: Часть общая.
5. Левицкий С.А. Трагедия свободы /Составление, послесловие, комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон 1995 г.
6. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов – 3-е издание, М.: НОРМА 2009 г.
7. Теория государства и права: учебник под ред. Венгерова А.Б. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000 г.
8. Толчёнкин Д.А. Юридическая свобода, автореферат дисс. канд. юр. наук Владимир 2006 г.
9. Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы автореферат дисс. канд. юр. наук Екатеринбург 2004 г.
10. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екб.: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001.
11. Чухвичев Д.В. Свобода и право, автореферат дис. ... канд. юр. наук. – М. 2001.
12. Леони Бруно Свобода и закон, - М.: ИРИСЭН, 2008.
13. Нерсисян В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М. 1992.
14. Шабуров А.С. Юридическая техника: учебное пособие – Екб: Уральский юридический институт МВД России 2009 г.

© Д.Ш. Свергузов, 2014

УДК 340.12

Ф.С. Сосенков

Заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Волжская государственная академия водного транспорта
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.Н.РАДИЩЕВА

Русский поэт, философ и правовед А.Н.Радищев (1749 – 1802), также как и другие представители отечественной общественной мысли [5, с.48 – 52; 6, с.183 – 186 и др.], в своих научных статьях, стихотворных произведениях, а также наиболее известном сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву» выразил различные политико-правовые

воззрения, в том числе идеи государственного единства и варианты формы государственного устройства, приемлемые для России.

Идеалом для мыслителя является демократическое правление или «народоправство». Вместе с тем Радищев осознает, что демократическая форма не позволит управлять такой огромной страной, как Россия: «Употребление народу самому своей власти в малом обществе трудно, а в большом невозможно» [4, с.10]. В этой связи для России возможна исключительно сильная единоличная централизованная власть, то есть монархия: «Сие вверяет народ единому или многим с разными преимуществами или пределами для общей пользы» [4, с.10]. Абсолютная монархия в свою очередь предполагает унитарную форму государственного устройства, поскольку при ней наилучшим образом достигается концентрация властных полномочий.

Вместе с тем, для Радищева очевиден общественный прогресс, который, в соответствии с взглядами мыслителя, неминуемо должен повлечь революцию, справедливый социальный строй и непосредственное демократическое правление (схожее с древнерусским вечевым). Подобные формы управления обществом невозможны в большом по территории унитарном государстве. Разрешение подобного противоречия Радищев видел в преобразовании России в федеративное государство [1, с.113].

В отрывке из оды «Вольность»:
«Из недр развалины огромной,
Среди огней кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютей дух властей возжег –
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем» [3, с.16], –

исследователями как раз и расшифрована идея создания федеративного государства после революции [2, с.37 – 38]. Сам Радищев объясняет в «Путешествии из Петербурга в Москву», что в оде содержится предсказание о «будущем жребии отечества, которое разделится на части тем скорее, чем будет пространее» [3, с.361].

Вместе с тем преобразование России в федерацию, по мысли Радищева, не несет угрозы для ее государственного единства, поскольку в своих стихотворениях он пророчит ей великое будущее и славные победы:

«О народ, народ преславной!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе...
Удивленья всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят – природу даже, –
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства» [3, с.72 - 73].

Список использованной литературы:

1. Грациантский П.С. Конституционные воззрения А.Н.Радищева // Советское государство и право. 1981. №4. С. 107 – 114.

2. Покровский В.С. Государственно-правовые взгляды А.Н.Радищева // Советское государство и право. 1949. №10. С. 34 – 38.
3. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т.1. 501 с.
4. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1941. Т.3. 429 с.
5. Сосенков Ф.С. Вопросы профилактики сепаратизма и обеспечения территориальной целостности России в конституционном проекте П.И.Пестеля // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. №1. С. 48 – 52.
6. Сосенков Ф.С. Национальная политика и территориальная целостность государства во взглядах В.Н.Татищева // Власть. 2014. №9. С. 183 – 186.

© Ф.С.Сосенков, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

В.А.Басов УДОСТОВЕРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОСРЕДСТВОМ ДОВЕРЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	3
О. В. Бесчастнова ПРОБЛЕМЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАЩИТЕ СОБСТВЕННОСТИ В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	4
И.П. Долгих, Е.А. Супонина, Г.М. Черняев АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ЭТАП ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	9
А.В.Казаква ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: КОЛЛИЗИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ НОРМ.....	11
С.В. Корякин ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ.....	16
В.И. Кузьменко, С.Х. Мухаметгалиева МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ.....	21
О.Ю. Овчухова ПОНЯТИЕ ОСМОТРА КАК НЕОТЛОЖНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕГО ВИДЫ.....	25
Е.Н. Прохорова АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	27
Д.Ш. Свергузов ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВОБОДЫ.....	31
Ф.С. Сосенков ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.Н.РАДИЩЕВА.....	36

Научное издание

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ НАУКИ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
20 сентября 2014г.

В авторской редакции

Подписано в печать 23.09.2014 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 3,25 Тираж 500 Заказ № 102

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68